

АРИАНСКИЕ СПОРЫ В ГОМИЛИЯХ ПАТРИАРХА ФОТИЯ (ГОМИЛИИ XV и XVI)

Д. Е. АФИНОГЕНОВ

В двух гомилиях, посвященных арианским спорам (сохранившихся из первоначальных пяти), Фотий пользуется различными способами актуализации этой темы для широкой византийской аудитории, главным образом в связи с вопросом, который больше всего занимал патриарха во время его первого правления, — антииконоборческой полемикой. Арианство было избрано как чисто логическая параллель иконоборчеству, причем реальный постепенный рост этого движения сравнивается с теоретической конструкцией арианства, имеющей мало общего с действительными событиями IV в. Сравнение главы иконоборца Иоанна Грамматика с Арием в основном направлено на обоснование необратимого низложения иконоборческих священников, провозглашенного патриархом Никифором в 815 г. и проведенного в жизнь Мефодием в 843 г. Триадологические рассуждения в XVI гомилии на самом деле не относятся к полемике с *filioque*, а представляют собой изложение традиционных для Востока взглядов. Это обстоятельство, так же как и пристальное негативное внимание к Сардикийскому собору, указывает на 861 г., когда Фотию пришлось опровергать применимость 10 правила этого собора к своему поставлению в патриархи сразу из мрян.

В составе сборника гомилий патриарха Фотия две (XV и XVI по нумерации Лаурдаса¹, 36 и 37 — у Аристархиса) посвящены изложению истории арианства. Поскольку первая из них начинается с напоминания о предыдущей беседе, в которой говорилось об Арии, а вторая доведена лишь до смерти Констанция в 361 г. (XVI. 9), предполагается, что всего патриарх произнес четыре или, скорее, пять слов, посвященных арианской ереси вплоть до II Вселенского собора, из которых до нас дошли только второе и третье. Первый издатель сборника С. Аристархис даже попытался самостоятельно скомпоновать недостающие тексты из различных произведений Фотия: Послания Борису-Михаилу, Амфилохий, Мистагогии и т.д.² Таким образом, очевиден не просто интерес Фотия к данной теме, но и его желание сделать свое видение арианских споров известным максимально широкой аудитории, поскольку гомилии произносились с амвона св. Софии по воскресеньям в течение Великого Поста. Этот факт, несомненно, требует объяснения, поскольку актуальность именно арианства и обстоятельств борьбы с

¹ Photii Homiliae / В. Laourdas, ed. Thessalonica, 1959.

² Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι / ἔκδ. Σ. Ἀριστάρχη. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 236–323.

ним в данный конкретный промежуток времени (тексты уверенно датируются первым патриаршеством Фотия, 858–867) не является очевидной.

Действительно, в контексте борьбы с иконоборчеством, составляющей еще одну важнейшую содержательную линию рассматриваемых гомилий, гораздо более важными были такие ереси, как монофиситство и несторианство, поскольку еще император Константин V, как известно, ставил защитников священных изображений перед такой дилеммой: если на иконе изображается только человечество Христа, то иконопочитатели вслед за Несторием отделяют человека Христа от Бога Слова, если же также и Божество, то получается, что Оно изображимо, то есть подвержено претерпеванию (παθητή). А это уже равносильно феопасхитству, т.е. монофиситству. Весьма распространенным в православной полемике было также обвинение иконоборцев в манихействе. Еще большую значимость борьбе с монофиситством и манихейством, как это вполне ясно из творчества самого Фотия, придавали в первом случае переговоры об унии с Армянской Церковью, а во втором — павликианская угроза, как раз в это время приобретающая весьма серьезные масштабы. С доктринальной точки зрения арианство можно было сближать разве что с исламом, но никакого интереса к полемике с этим вероучением в сочинениях Фотия не прослеживается. Что же касается столь важного для патриарха аспекта иконоборчества, как ключевая роль светской власти в продвижении ереси, то покровитель ариан (омиев) император Констанций обвиняется всего лишь в «колеблющемся настроении» и «неустойчивости мнения» (εὐρίπλος γνῶμη καὶ τὸ τῆς δόξης ἐπισφαλής — XVI. 9) и никоим образом не причисляется к ересиархам. Следовательно, чтобы понять мотивы патриарха, необходимо выявить все возможные точки соприкосновения темы арианства с проблемами, актуальными для Фотия во время его первого патриаршества.

Существенная часть работы в этом направлении была проделана С. Манго³. Он выделил следующие моменты:

1. Целью Фотия было провести параллель между арианством и иконоборчеством.

2. На примере арианских споров патриарх хотел показать, что «строить козни против епископов, в случае, если те православные, значит быть на стороне дьявола».

Второе наблюдение не вызывает сомнений, но в отношении первого сформулированный выше вопрос остается: почему предметом разговора избрано именно арианство, а не, скажем, монофиситство или манихейство, тем более что, по словам того же исследователя, «Фотий не настаивает на сравнении по догматическим основаниям»? Вот сопоставление двух ересей из XVI гомилии (гл. 3), которое заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Можно видеть и как иконоборцы пользуются такой уловкой и злокозненностью наподобие арианствующих: ибо и они не вдруг и не сразу обнаруживают цель своего намерения, но находят ступени зловерия, пока не дойдут до самой вершины зла. И здесь следует обратить внимание на сходство ересей. Ариане говорили, что выражение “единосущный” для многих было поводом к соблазну,

³ The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople / English translation, introduction and commentary by C. Mango. Cambridge (Mass.), 1958. P. 239–240.

а иконоборцы стали называть земное и долнее писание икон причиной заблуждения для простецов. Согласно арианам, вместо “единосущия”, этого телесного и приземленного выражения, нужно говорить, что Сын подобосущен Отцу, ибо это как-то возвышенно и больше подходит бестелесным и позволяет избежать разделения сущности. Согласно иконоборцам, вместо того чтобы писать иконы близко к земле и внизу, следует ставить их высоко — ибо это больше подходит для изображений и позволяет избежать упрека в обмане. Ариане: даже “подобосущие” — ненадлежащее [слово], но вместо этого нужно говорить “подобие”, полностью исключив сущность. Иконоборцы: даже высоко находящимся иконам не подобает поклоняться, но допускать, чтобы они стояли только ради поучения, совершенно отвергая поклонение. Ариане: выражения “единосущный” нет в Писании. Иконоборцы: в Писании нет поклонения иконам. Ариане: Сына нужно называть неподобным, и творением и созданием и полностью изгнать из Церкви единосущие, и сущность, и подобосущие. Иконоборцы: иконы следует называть идолами и тщетой и совершенно изгнать из Церкви их изготовление, и изображение, и поклонение. Ариане: ни Господни речения в Евангелии, ни божественные апостолы, ни ветхое Писание не передали говорить о единосущии или подобосущии, или вообще сущности применительно к Отцу и Сыну. Иконоборцы: ни Господни речения в Евангелии, ни божественные апостолы, ни ветхое Писание не передали изготовления или изображения, или поклонения иконам. Разве малое сходство с отцами сохраняют дети, преемники с родоначальниками, ученики с учителями? Те возмутились против Христа, а эти ополчились на Его икону. Одни опорочили тех, с кем утвердили первый Собор, что в Никее, вместе с этим собором, а эти поглумились над теми, с кем составили второй Собор в Никее. Одни обвинили в злочестии людей, крестивших их и рукоположением возведших в иереи, тех, кого они признавали отцами, а другие точно так же выдумали прозвание идолопоклонников для тех, кто их рукоположил и посвятил божественным Крещением. Те, продвигаясь по ступеням хулы, впали в крайнее безбожие, изгнав Сына из сущности Отца, а эти, распределив богохульство по порядку порочности, дошли до конечного злочестия, извергнув из Церкви честь и почитание Христа бесчинствами против изображений».

По мнению Манго, патриарх находит сходство между арианами и иконоборцами в тактических приемах. И в самом деле, действия иконоборцев с 814 по 842 г., начиная с предложения императора Льва V патриарху Никифору вешать иконы повыше, чтобы избежать извращенных форм поклонения, и заканчивая уничтожением священных изображений в патриаршество Иоанна Грамматика (837–843), вполне соответствовали тому, что говорит Фотий. Примечательно, что о первом иконоборчестве в обеих гомилиях вообще не упоминается. Это важное свидетельство того, что патриарх в данном случае рассматривает ересь не в историко-антикварном аспекте, а главным образом в плане текущих вопросов церковной политики. Из предложенных датировок гомилий две, 861 и 867 гг., связаны с организованными патриархом соборами, на которых заметное место отводилось осуждению иконоборчества⁴. Необходимо, однако, добавить следующий очень важный момент. Из двух сопоставляемых ересей лишь одна, то есть

⁴ См.: *Mango. The Homilies...* P. 20–23.

иконоборчество, соответствует конкретному церковно-политическому движению в его диахроническом развитии. Арианство же в приведенном отрывке есть не что иное, как логический конструкт, где мнения, которых придерживались разные люди в разное время (омиусиане, омии, аномеи-евномиане, полуариане и т.п.), представлены в виде последовательности тактических ходов, с помощью которых еретики, по умолчанию мыслящиеся как крайние ариане, заманивают простаков в свое злочестие.

Если это действительно одно из главных направлений актуализации арианства в разбираемых гомилиях, то рассуждение Фотия следует считать обращенным против тех, кто не считал иконоборчество какой-то серьезной опасностью⁵. Наверняка среди византийцев было и немало тех, кто разделял опасения по поводу связанных с культом икон злоупотреблений, описанных в знаменитом послании Михаила II и Феофила Людовику Благочестивому⁶. Вообще, патриарх прилагал много усилий, чтобы подчеркнуть значение борьбы с иконоборчеством, очевидно потому, что его семейство могло похвалиться немалыми заслугами в противостоянии еретикам еще при Феофиле⁷. Стало быть, Фотию необходимо было показать, что малейшая уступка в отношении икон (скажем, размещение их выше человеческого роста) неизбежно ведет к полномасштабной ереси точно так же, как колебания по поводу термина «единосущный» в конечном счете влекут за собой признание Сына творением. Здесь так называемое арианство с его множеством доктринальных оттенков предоставляло, пожалуй, идеальную параллель.

Все в той же связи с антииконоборческой полемикой патриарх сопоставляет судьбу ересиархов Ария и Иоанна Грамматика. Подробное изложение судьбы Ария до нас не дошло, поскольку оно содержалось в утраченной первой гомилии, но Фотий резюмирует его в начале следующей беседы (XV. 1–2). Упомянув о том, что Арий был низложен священномучеником Петром Александрийским, затем получил обратно диаконский сан от его преемника Ахиллы и был посвящен в пресвитеры следующим патриархом Александром, но затем вновь извержен из сана и не принят обратно даже после покаяния ни тем же Александром Александрийским, ни его Константинопольским тезкой⁸, Фотий делает следующее заключение: «Ясно, что и то и другое было сделано мудро, справедливо и как подобает священству: ведь оттолкнуть того, кто единожды споткнулся и кается,

⁵ Как писал в начале 830-х гг. очень хорошо информированный автор Жития Никиты Мидийского Феостирикт, «Некоторые считают эту ересь менее важной и не ставят ее ни во что, из-за чего легко уловляются и уступают; а некоторые полагают, что это и не ересь, а только препирательство» (Theostericti Vita Nicetae Medicii // Acta Sanctorum, Aprilis. Vol. I. P. XXII–XXXII. Cap. 27. Рус. пер.: Житие прп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты / Пер. с греч., введение, примечания Д. Е. Афиногенова. М., 2001. С. 129).

⁶ Michaelis et Theophili Imperatorum Constantinopolitanorum epistula ad Hludowicum Imperatorem directa // Monumenta Germaniae Historica. Leges III, concilia II, concilia aevi Karolingi I/II. P. 475–480.

⁷ См.: *Dvornik F.* The Patriarch Photius and Iconoclasm // *Bumbarton Oaks Papers*. 1953. Vol. 7. P. 67–97; *Mango C.* The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photius // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies*. Birmingham, 1977. P. 133–140.

⁸ Соответствие этих сведений действительности для нас здесь не имеет значения. См. примечания: *Mango*. The Homilies... P. 245.

совершенно бесчеловечно и казалось полным жестокости, и было бы свойственно устранившему и исключавшему обращение и раскаяние согрешающих, которое остается единственным путем к спасению для падших; а того, кто не единожды, не дважды отрекся от благочестия, но многократно поглумился над ним так легко и наподобие игроков в чет и нечет, принять такого, изображающего благочестие, означало бы выказать пренебрежение к благочестию и явить безразличным злочестие и благочестие. Ибо те, кто так легко относится к перемене мнения, доказывают, что не верно ни то, ни другое учение».

Далее речь идет об Иоанне Грамматике, но похоже, что патриарх подразумевает здесь ту весьма значительную часть византийского духовенства, которая признала навязанную Львом V «иконоборческую» иерархию из чисто конформистских соображений и тем не менее была извергнута из священства после восстановления православия в 843 г. Отрывок об Иоанне на самом деле дает несколько иной выход на ту же тему. Однако полностью понять этот текст можно лишь опираясь на знание некоторых реалий, которые ко времени выхода книги Манго еще не были достаточно прояснены. Итак, Фотий рассказывает, как Иоанн, сначала державшийся благочестия, «из-за каких-то превратностей и перемены обстоятельств» впал в злочестие, но заболел и вручил патриарху Никифору покаянную грамоту, как Арий — Александру. «Когда же он снова совратился и честолюбиво старался быть провозглашенным предводителем ереси, то как и божественный Александр и Церковь Божия не источили для изображавшего раскаяние Ария даже капли прощения, так и боговещанный Никифор пророческим зрением предзаградил (προσπέτείχισεν) вход в Церковь для Иоанна и иже с ним зачинщиков ереси, которые также глумились над благочестием, — утверждая, что даже если они наденут личину покаяния, их перемена будет неприемлемой для Бога и Церкви».

Эти события описаны в одной из греческих версий Послания трех восточных патриархов императору Феофилу, известного под именем Псевдо-Дамаскина. Согласно этому тексту, Иоанн Грамматик, будучи еще чтецом, по поручению Льва V собирал свидетельства святых отцов против почитания икон. Когда об этом узнал патриарх Никифор, Иоанн, боясь отлучения и страдая от постигшей его болезни, принес покаяние. То же самое пришлось сделать и единственному на тот момент епископу-иконоборцу Антонию Силлейскому, который подписал письменное исповедание веры⁹. После обнаружения подлинника Послания в славянском переводе (т. н. «Многосложный свиток») стало ясно, что этот отрывок — интерполяция¹⁰. Однако сведения, содержащиеся в нем, полностью подтверждаются Фотием и при этом, без сомнения, восходят к независимому источнику, а потому заслуживают доверия. А вот что именно сделал Никифор, когда Антоний с Иоанном открыто выступили против священных изображений, можно прочитать в славянском тексте:

⁹ См.: The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinos, eds. Camberley, 1997. P. 183–185.

¹⁰ См.: *Afinogenov D.* The new edition of The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements // *Σύμμεϊκτα* 16 (2003–2004). P. 9–33.

«70¹¹. ...и въкупѣ въшедше со множествомъ отецъ великій столпъ правовѣрія на амбонѣ, обolkъшимся всѣмъ во святительскій санъ, начальника сквернымъ ересемъ прокля, рекъ сѣа сице: 71. “Антоніе, новый Аріе, единомудренный павликьяномъ, проклять (ἀνάθεμα)”. И людіе рѣша вси: “Проклять”. Патріархъ святыи рече: “Антоніе, вторый Аріе, связанъ да будетъ на небеси и на земли отъ живоначальныя и единосущныя Святыя Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа, и отъ Петра, верховнаго апостоломъ, и отъ двоюнадесяте святыхъ апостолъ проклять”. И людіе такожде рѣша: “Проклять”. “Таже и отъ трехсотъ и осминадесяти богоносныхъ отецъ иже въ Никее перваго Собора, и отъ всѣхъ святыхъ вселенскихъ Соборъ проклять, и отъ всѣхъ великихъ патріаршескихъ престолъ проклять, и отъ мене, поставльшаго и въ святительство, и причащающіися ему, проклять”.

72. Паки святыи патріархъ рече: “*Божественному апостолу Павлу глаголющу: еретика человека по единомъ наказаніи и по вторымъ отвратися, вѣдый, яко развратися таковой и согрѣшаетъ, самоосужденъ сый* (Тит 3. 1–11)”...»

Перед нами с очень большой вероятностью — фрагмент настоящих деяний собора, созванного Никифором в Рождественский сочельник 814 г.¹² Из него выясняется, что уподобление ересиархов Арию не является собственной идеей Фотия, а восходит к публичным заявлениям его предшественника (заметим также специальное выделение I Вселенского собора). Понятно, что в 814 г. квалификация «новый/второй Арий» и, соответственно, анафема была направлена против Антония как епископа, а в 60-х гг. главной мишенью стал Иоанн, побывавший в 837–843 гг. патриархом. Возможно, в этих официальных соборных актах и заключается основной мотив, побудивший Фотия избрать именно арианство для обличения иконоборцев, тем более в преддверии нового собора. Кроме того, применение цитаты из Послания к Титу показывает, что Никифор действительно ранее уже обличал Антония с Иоанном (это могло произойти в любой момент между июлем и декабрем 814 г.). Именно это, видимо, подразумевает Фотий, говоря: «...того, кто не единожды, не дважды отрекся от благочестия, но многократно поглумился над ним».

Между тем, и в этом отличие от Александра Александрийского, Никифору, умершему в 828 г., не представилось случая отказать Иоанну (и Антонию) в общении после повторного покаяния. Именно поэтому его преемник говорит о «пророческом зрении» и употребляет глагол «предзаградил» (προσπετείχισεν). В 814(5) г., а затем вновь между 821 и 828 гг. Никифор неоднократно четко заявлял, что священный сан не должен получить обратно никто из вступивших в литургическое общение с иконоборцами. Эти предначертания и были воплощены в жизнь патриархом Мефодием в 843 г.¹³ Интересно, что лично к «двум фа-

¹¹ Текст и нумерация глав по изд.: *Afinogenov D. Mnogosložnyj Svitok: the Church Slavonic translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilos. P.*, 2014.

¹² См. также: *Afinogenov D. The condemnation of Anthony of Syllaion in 814: the procedure and the political context // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Nr 71/72. 2010. S. 9–16.*

¹³ См.: *Афиногенов Д. Е. Патриаршество св. Мефодия I (843–847): борьба за преемственность в византийской церкви // Византийский временник Т. 57. 1997. С. 130–156.*

раоновым волхвам» («Многосложный свиток», гл. 75) Антонию и Иоанну слова Фотия относиться не могут, поскольку первый умер в 837 г. в сане патриарха Константинопольского, а второй, насколько нам известно по имеющимся источникам, до конца жизни оставался убежденным иконоборцем. Стало быть, этот пассаж следует считать демонстрацией преемственности по отношению к православным предшественникам Фотия Никифору и Мефодию и их церковной политике.

Последнее наблюдение по поводу актуализации арианства в гомилиях через соотнесение его с иконоборчеством касается Евсевия Кесарийского. Как известно, этому писателю принадлежит Послание к Констанции с осуждением иконопочитания, активно использовавшееся иконоборцами. Патриарх Никифор даже написал специальный трактат, называемый *Contra Eusebium*¹⁴ (на самом деле часть единого сочинения *Contra Eusebium et Epiphaniem*)¹⁵. Основной линией полемики со стороны иконопочитателей был подрыв вероучительного авторитета Евсевия путем обвинения его в арианстве. Соответственно, у Фотия находим такую фразу: «Афанасий же (Александрийский. — Д. А.), зная, что епископ ее (Кесарии Палестинской. — Д. А.) мыслит так же, как Арий (τὰ Ἀρείου πνεύοντα) (ибо это был Евсевий, которого иконоборцы записывают себе в отцы), прибыть отказался».

Посмотрим теперь, имеются ли в гомилиях иные аспекты арианства, представлявшие личный интерес для автора за пределами иконоборческих споров. Вопрос о кознях против епископов будет рассмотрен последним, а перед этим следует обратить внимание на связь анализируемых текстов с антилатинской полемикой. М. Жюжи в свое время обратил внимание на следующую фразу в XVI гомилии: οὐτε τοῦ υἱοῦ τὴν ἐκλόρευσιν τοῦ πνεύματος συγληροῦμένον, которую он интерпретировал как аллюзию на западное учение о *filioque* и счел это основанием, чтобы датировать антиарианские гомилии самым концом первого патриаршества Фотия¹⁶. Манго полностью разделяет это толкование и соответствующую датировку¹⁷. Мне, однако, такое понимание вовсе не представляется очевидным, сколь бы укоренившимся оно ни было и какими бы авторитетами ни освящалось. Вот пассаж, о котором идет речь:

«10. (Мы)... православно соблюдаем несмешанными особенности Отца, и Сына, и Святого Духа, полагая и проповедуя Отца нерожденным, Сына рожденным, а Духа — исходящим, не безначальными по причине (ибо Отец есть начало и причина Сына как Родитель, ведь Тот единственный рожден от Него единственного, Духа же — как Изводитель, потому что и Тот единственный изведен от Него единственного), безначальными же по

¹⁴ См.: Nicephori *Contra Eusebium* // Pitra J. B. *Spicilegium Solesmense*. Vol. I. P., 1852. P. 371–504. Литературу см.: *Mango*. *The Homilies...* P. 251, n. 26.

¹⁵ См.: *Alexander P.* *The Patriarch Nicephorus of Constantinople*. Oxford, 1958. P. 183. Ср.: *Chrysostalis A.* *La reconstitution d'un vaste traité iconophile écrit par Nicéphore de Constantinople (758–828)* // *Semítica et Classica*. T. 2. 2009. P. 203–215.

¹⁶ См.: *Jugie M.* *De processione Spiritus Sancti ex fontibus revelationis et secundum orientales dissidentes*. R., 1936. P. 287, n. 3.

¹⁷ См.: *Mango*. *The Homilies...* P. 21–22.

времени: ибо превыше времени, и превыше века, и превыше мысли Один родил, Другой родился, а Третий исходит, и ни Дух сопричитается рождению Сына, ни Сын разделяет исхождение с Духом, но и Тот, и Другой сохраняет Свою особенность чистой и несмешанной (ὁ μὲν ἐγέννησεν, ὁ δὲ ἐγεννήθη, τὸ δὲ ἐκπλόρευται, οὔτε τοῦ πνεύματος τῆ τοῦ υἱοῦ γεννήσει συνεγγραφομένου, οὔτε τοῦ υἱοῦ τὴν ἐκπλοῦσιν τοῦ πνεύματος συγκληρουμένου, ἀλλ' ἐκατέρου τῆν ἰδιότητα καθαρὰν καὶ ἀσύγχυτον διασώζοντος), причем инаковость особенностей и именовании не привносит инаковости сущности, но показывает различие ипостасей...».

Здесь возможны два толкования: предлагаемое Жюжи и Манго и отраженное в моем переводе. Первое подразумевает, что как Дух не участвует в рождении Сына (т.е. Сын не рождается от Отца и Духа), так и Сын не участвует в исхождении Духа (т.е. Дух не исходит от Отца и Сына). Согласно второму, Дух не рождается, как Сын, а исходит, Сын же не исходит, как Дух, а рождается. На мой взгляд, второе предпочтительнее по следующим соображениям. Во-первых, потому, что Сын, как сказано, непричастен именно исхождению (ἐκπλοῦσιν), а не изведению (προβολή или подобное) Духа. Во-вторых, речь явно идет об ипостасных особенностях, присущих каждая только одной Ипостаси Святой Троицы: Отец как Причина и Начало рождает и изводит, Сын рождается, Дух исходит; Отец не рождается и не исходит, Сын не рождает и не исходит, Дух не рождает и не рождается. Вопрос о том, изводит ли помимо Отца также и Сын, просто не ставится. Другое дело, что выше о Духе сказано: «...и Тот единственный изведен от Него единственного (καὶ τοῦτο μόνον ἐκ μόνου προβέβληται)», но там совершенно отсутствует полемический контекст. Если эта версия верна, то данное место демонстрирует нечто прямо противоположное теории Жюжи и Манго, а именно игнорирование, причем вряд ли сознательное, проблематики filioque. В таком случае датировка после 866 г. становится невозможной.

Вместе с тем в гомилиях есть еще одна тема, явно весьма интересующая Фотия и связанная как с арианством, так и с взаимоотношениями с Западом (точнее Римом). Это Сардийский собор 343 г., который, как отмечает Манго, в представлении патриарха состоялся в 347 г.¹⁸ Фотий упоминает его в XV беседе как оправдавший Афанасия Александрийского¹⁹, указывая, что в дальнейшем поговорит об этом подробнее. И действительно, в XVI гомилии (гл. 7) содержится пространный рассказ о параллельных соборах в Сардике и Филиппополе, в котором присутствуют такие высказывания:

«Но скверное еретическое злонравие сделало так, что ничто из задуманного и того, на что возлагались надежды, не получилось. Ибо шестьдесят человек, отколовшись от общего состава, собрались в Филиппах и старались делать противоположное тем, что в Сардике, притом что и тот собор уже не во всем руководствовался неподкупным суждением и беспристрастным умонастроением.

¹⁸ См.: Ibid. P. 237, 268. Фотий следует Сократу и Созомену, которые неверно датируют собор 11-м годом царствования Констанция.

¹⁹ См.: Photii Homiliae. P. 147, 7–10.

...Хотя до Сократа и Созомена эти сведения, как и многие другие, относящиеся к более древним временам, чем соответствующие их возрасту, не дошли (чтобы не сказать, были искажены ими).

Расширив к тому же никейское определение веры до чрезмерной длины (собор в Сардике. — Д. А.), сделал славу своего учения весьма ограниченной».

Не отвлекаясь на разбор исторических оснований для подобных высказываний, можно констатировать, что Фотий проявляет весьма скептическое отношение к Сардикийскому собору и старается дискредитировать его решения. Нужно иметь в виду, что в распоряжении ученого патриарха было больше источников, чем мы имеем сейчас, в частности полный текст церковно-исторических сочинений Евагрия и Филосторгия, поэтому его отзыв о Сократе и Созомене не выглядит голословным заявлением. Тем не менее создается такое впечатление, что Фотий использует некоторые частные вопросы, например дело Акакия Кесарийского (на котором сосредоточивает внимание Манго), исключительно для того, чтобы выставить собор в неприглядном свете. Зачем патриарху это было нужно, понять очень легко.

Отвечая на интронизационное послание Фотия (Ер. 288), папа Николай I, в частности, пишет 25 сентября 860 г.: «Но опечалило нас, что Вы нисколько не продолжили правильный порядок, потому что к такой чести не были возведены по церковным степеням, но ринулись из мирского состояния, хотя Ваша мудрость должна была бы так канонически пребыть в сане клира, чтобы, не творя ничего вне канонических установлений, Вы в подходящее время законным восхождением были поставлены пастырем Церкви. Посему очевидно, что те, кто Вам это позволил, действовали вопреки отеческому уставу. Ибо Сардикийский собор навсегда воспретил брать на себя такую опрометчивость»²⁰.

Речь идет об известном 10-м правиле Сардикийского собора, согласно которому лица, рукополагаемые в епископы из светского звания, должны проходить через степени диакона и пресвитера, пребывая в каждом сане «не слишком малое время» для удостоверения их достоинства. Вот что ответил Фотий на это представление папы: «А что за нарушенные каноны, которых даже до сего дня нет в предании Константинопольской Церкви? Говорят о нарушении того, что завещано соблюдать, а что не завещано, то и при несоблюдении не влечет обвинения в нарушении»²¹.

Папа в ответ продолжает настаивать в письме от 18 мая 862 г.: «А то, что Вы говорите, что у вас нет или вы не приняли ни Сардикийского собора, ни постановлений святых понтификов, то нам нелегко в это поверить, тем более что каким это образом случилось, что Сардикийский собор, состоявшийся у вас и в ваших областях и принятый всей Церковью, Константинопольская Церковь отвергает и не приемлет, как подобает?»²²

На это письмо Константинополь ответил крайне резко, однако текст послания, отправленного от имени императора Михаила III, но наверняка состав-

²⁰ Nicolai Papae epistula 3 // Mansi XV, 168A—C.

²¹ Photii Epistulae et Amphilochia / В. Laourdas et L. G. Westerink, eds. Lipsiae, 1983—1988. Epistulae. Vol. 3. 1985. Ep. 290, 128—131. Датируется августом—сентябрем 861 г.

²² Nicolai Papae epistula 12 // Mansi XV, 174B — 178B (у Манси 6).

ленного Фотием, не сохранился²³. Таким образом, вопрос о 10-м правиле Сардикийского собора был впервые поднят Римом в письме, которое доставили в Константинополь легаты Родоальд и Захария осенью 860 г. Поэтому если мой перевод пассажа о Сыне и Духе правилен, то датировать антиарианские гомилии можно лишь Великим Постом 861 г., то есть временем, непосредственно предшествующим Двукратному собору, который начал свою работу в мае²⁴. Следует иметь в виду, что на византийской почве проблемы с Сардикийским канонном возникнуть не могло, поскольку из трех православных предшественников Фотия на Константинопольской кафедре после 730 г. два, святители Тарасий и Никифор, были рукоположены из мирян. Другие веские аргументы в пользу такой датировки приведены Манго, который предпочитает более позднюю дату (867 г.) исключительно исходя из принимаемой им интерпретации тринитарных формулировок²⁵.

Подведем итоги. Излагая своей пастве историю арианских споров, Фотий во всеоружии своей учености искусно концентрирует внимание на вопросах, актуальных в церковно-политической ситуации, сложившейся в канун Двукратного собора. Среди них не только борьба против иконоборчества и защита решений, принятых Никифором и Мефодием, но и косвенное опровержение одного из главных возражений против каноничности поставления самого Фотия со стороны папы Николая. Вместе с тем запрет ставить епископов сразу из мирян или монахов был закреплен 17-м правилом собора в качестве компромисса с папой. Еще один аспект касается церковной дисциплины. В принятых собором канонах он отразился в правилах 13 и 15. Это упомянутое выше увещание не строить козни против епископов. Как мне представляется, данную тему следует расценивать не только как животрепещущую именно в 861 г., но и как вечную и непреходящую для Церкви.

Чтобы читателю было легче составить собственное суждение, приведем в заключение соответствующий отрывок из XV гомилии: «Почему же я сделал предметом повествования наветы и оговоры против священников? Зачем? Чтобы вы узнали, возлюбленные, и имели в виду, что плести клевету и строить козни против архиереев Христовых есть изобретение еретиков, бесчинствовавших против Сына Божия и Бога, и оказывается порождением воспринявших в свои души столь великое семя зловерия, и является злодеянием торговавших нашей христианской верой; чтобы, если вы увидите кого-то, выступающего с поношениями архиереев и иереев, вы вспоминали их сеятелей и учителей и распознавали их, что это за люди и чьего они посева (ибо слово Господне говорит: *По плодам их узнаете их* (Мф 7. 16)); чтобы вы избегли подражания тем, чьим нечестием погнушались, и, приветствуя общность с ними в какой-то части, не приучились понемногу вбирать и остальное нечестие. Пастырь — еретик? Он — волк, нужно бежать от него и отшатываться, а не обольщаться и подходить, даже если

²³ Представление о нем дает Письмо 6 папы Николая (у Манси 8, *ibid.*, 187A–216C).

²⁴ Пасха в этом году приходилась на 6 апреля, а это значит, что 5 бесед могли быть произнесены с 23 февраля по 23 марта, т.е. XV и XVI — 2 и 9 марта соответственно. Собор, вероятно, открылся на Пятидесятницу 26 мая.

²⁵ См.: *Mango. The Homilies...* P. 20–23.

кажется, будто он смиренно виляет хвостом <...> Епископ православный, запечатлен благочестием, никак не замешан в еретический заговор? Подчинись ему как председателю по образу Христову: ты воздаешь честь не ему, если воздаешь от всей души. Христос принимает эту [честь], не любопытствуй о прочем: Бог исследует это, Ему предоставь суд; ты же выказывай ему послушание по любви Христовой и чистое расположение. Другим сказано: *Сын человеческий, Я поставил тебя стражем дому Израилеву (Иез 33. 7)*, а вам: *Что велят вам священники соблюдать, соблюдайте, по делам же их не поступайте (Мф 23. 3)* <... > Не твое дело, говорит, и не твоя забота разведывать и расследовать дела священника: и не поступай по его делам, если они не сходятся со словами, слушайся же его учения и не любопытствуй о поведении; за собой смотри, себя блюди, остальных же оставь Судии и приставленному пасти уступи попечение о них»²⁶.

Ключевые слова: свт. Фотий Константинопольский, византийская литература, арианские споры, антилатинская полемика, Сардикский собор.

THE ARIAN CONTROVERSY IN THE HOMILIES OF THE PATRIARCH PHOTIOS (HOMILIES XV AND XVI)

D. AFINOGENOV

In his two homilies dedicated to the Arian controversy (the only surviving of the original five) Photios uses different methods to actualize the matter for the broad Byzantine public, mainly in connection with the patriarch's main concern during his first tenure: the polemics against Iconoclasm. The Arianism was chosen as a purely logical juxtaposition to the latter, where the real gradual progress of iconoclast tendencies is compared to a theoretical construction of Arianism which has little to do with the actual developments in the IVth century. The comparison of the Iconoclast heresiarch John the Grammarian to Arius is chiefly aimed at justifying the permanent deposition of Iconoclast priests even in case of repentance, declared by the Patriarch Nikephoros in 815 and carried out by Methodios in 843. The triadological considerations in the Homily XVI do not in fact pertain to anti-*filioque* polemics, but rather represent a traditional Eastern conception. This, as well as the intense and negative attention to the Council of Sardica suggest the date 861, when Photios had to argue against the applicability of this council's 10th canon to his promotion to patriarch from a layman.

Keywords: S. Photios of Constantinople, Byzantine literature, Arian controversy, Anti-Latin polemic, Council of Sardica.

²⁶ Photii Homiliae. P. 149, 7–150, 13 (cap. 10).

Список литературы

1. *Афиногенов Д. Е.* Патриаршество св. Мефодия I (843–847): борьба за преемственность в Византийской Церкви // Византийский временник. Т. 57. 1997. С. 130–156.
2. Житие прп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты / Пер. с греч., введение, примеч. Д. Е. Афиногенова. М., 2001.
3. *Afinogenov D.* The new edition of «The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements // Σύμμεϊχτα 16 (2003–2004). P. 9–33.
4. *Afinogenov D.* The condemnation of Anthony of Syllaion in 814: the procedure and the political context // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Nr 71/72. 2010. S. 9–16.
5. *Afinogenov D.* Mnogosložnyj Svitok: the Church Slavonic translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilos. P., 2014.
6. *Alexander P.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958.
7. *Chrysostalis A.* La reconstitution d'un vaste traité iconophile écrit par Nicéphore de Constantinople (758–828) // Semitica et Classica. T. 2. 2009. P. 203–215.
8. *Dvornik F.* The Patriarch Photius and Iconoclasm // Bumbarton Oaks Papers. 1953. 7. P. 67–97.
9. *Jugie M.* De processione Spiritus Sancti ex fontibus revelationis et secundum orientales dissidentes. R., 1936.
10. The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinis, ed. Camberley, 1997.
11. *Mango C.* The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photius // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977. P. 133–140.
12. Michaelis et Theophili Imperatorum Constantinopolitanorum epistula ad Hludowicum Imperatorem directa // Monumenta Germaniae Historica. Leges III, concilia II, concilia aevi Karolingi I/II. P. 475–480.
13. Nicephori Contra Eusebium // Pitra J. B. Spicilegium Solesmense. Vol. I. P., 1852. P. 371–504.
14. Nicolai Papae epistulae // Mansi. Vol. XV.
15. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople / English translation, introduction and commentary by C. Mango. Cambridge (Mass.), 1958.
16. Photii Epistulae et Amphilochia / B. Laourdas et L. G. Westerink, ed. Lipsiae, 1983–1988.
17. Photii Homiliae / B. Laourdas, ed. Thessalonica, 1959.
18. Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι / ἔκδ. Σ. Ἀριστάρχης. Κωνσταντινούπολις, 1900.
19. Theostericti Vita Nicetae Medicii // Acta Sanctorum. Aprilis. Vol. I. P. XXII–XXXII.